

«ЕСТЬ У ЧЕЛОВЕКА ДОРОГАЯ ЕМУ РОДНАЯ ЗЕМЛЯ!»¹

(О жизни и творчестве А. Еники)

Амирхан Еники — псевдоним выдающегося татарского писателя Амирхана Нигметзяновича Еникеева. В автобиографической книге «Соңгы китап» («Последняя книга», 1986) писатель воссоздаёт свою родословную и замечает: «Барлык рәсми документларда минем тулы фамилиям «Еникеев» дип языла. Тик язучы буларак кына мин аны, безнең әдәбиятта күптәнге гадәт буенча, «Еники» дип кыскартып йөртәм» [Еники, 2000, 4: 6]. «Во всех документах фамилия моя значится как Еникеев. Лишь став писателем, как издавна водится у нас в литературе, переделал её в Еники»² [Еникеев, 1998: 4]. И. А. Абдуллин, исследуя историю старинного татарского рода Кулунчаковых, устанавливает генеалогическое родство А. Еники и А. И. Куприна: «Гади кешеләрнең эчке дөньясын нечкә лиризм, салмак тел белән сурәтлән алу куәсенә бер үк дәрәжәдә ия булган рус язучысы Александр Куприн белән татар әдиге Әмирхан Еники шулай итеп йомышлы татар князь Еникинең ерак оныклары булып чыгалар» [Абдуллин]. «Таким образом, русский и татарский писатели Александр Куприн и Амирхан Еники, творчеству которых в равной степени присущ талант изображения внутреннего мира простого человека (тонкий лиризм, неторопливый стиль), оказываются потомками выходца из сословия служилых татар князя Еники»³.

Проследившая историю своего духовно-нравственного формирования, писатель вспоминает те события и обстоятельства своей жизни, которые сыграли важную роль в этом процессе. Так, на всю жизнь в его памяти запечатлелась картина, как дед, преклонив колена, совершал намаз в густой цветущей траве: «Ә бабакай, атын тугарып үләнгә жибергәч, берәз читкә китеп, чирәмгә кара жиләнән

¹ Слова из рассказа А. Еники «Родная земля»: «Бар икән ул туган туфрақ дигән кадерле жир!» [Еники, 2000, 1: 165].

² Перевод выполнен А. Бадюгиной. Она переводит название книги как «Страницы прошлого».

³ Перевод выполнен М. И. Ибрагимовым.

жәйде дә намаз укырга кереште. Башта аягүрә, аннары тезләнеп укыды. Тирә-ягы куе үлән, шау чәчәк, менә шул үлән-чәчәкләр эченнән бабакайның нечкә муены белән кырпу бүреге генә күренә. Якты һавада күзгә күренмәс әлегә кечкенә кошчык талпына-талпына һаман өзелеп-өзелеп сайрый, үләндә йөргән жирән алаша да әледән-әле башын селкеп, тимер авызлыгын чыңлатып куя, ә без әбекәй белән бер читтә, нидер көткәндәй, тын гына басып торабыз. <...> Ниндидер бик якты бер эз калдырды ул минем бала күңелемдә. Балки, шул мизгелдә мин әйләнәмдәгә сихри дөнъяны ачыграк күрә, тирәнрәк тоя башлаганмындыр...» [Еники, 2000, 4: 29]. «Молился сперва стоя, после опустился на колени. В густой траве, усеянной цветами, мелькала лишь отороченная мхом шапка на тонкой шее бабакай¹. А та, едва видимая птичка всё пела и пела в залитом светом небе, всё также самозабвенно и страстно; рыжий мерин, гуляющий в траве, встряхивал время от времени головой и звенел железными удилами, а мы с эбекей² тихо стояли в сторонке, будто ожидая чего-то. <...> Видение оставило в детской моей душе какой-то светлый загадочный след. А что если в тот самый миг во мне произошло волшебное перерождение: восприятие окружающего мира обострилось, и красота глубоко навсегда вошла в душу?» [Еникеев, 1998: 25].

Писатель на протяжении всех своих автобиографических записок признаётся в любви к родным местам — к деревне Каргалы, где он родился, и особенно — к Давлекану, где прошли его детские и юношеские годы: «Ләкин бит мин Дәүләкәнгә туган-үскән туфрагым дип кайтам. Барысыннан элек миңа аның халкы якын һәм кадерле булырга тиештер бит инде. Жире-суы, кырлары-яланнары, тугайлары-күлләре, ниһаять, бормаланып аккан Димкәе кадерле булырга тиеш... Яшьлегем хатирәләре белән бәйләнгән урамнары, йортлары, мәктәп, клуб кебек урыннары миңа аеруча якын, тансык булырга тиеш түгелме соң!.. Нәрсә калган шуларның барсыннан?.. Каршыда мәһабәт Ярыш тавы басып тора, якты Дим салмак кына ага, тугайда күлләр жәйрәп ята, кайткан саен, мин аларга текә яр башыннан сокланып һәм уйланып карап торам, янә тагын Дим өстендә, хәтта ялгызым гына булса да, көймәдә йөрмичә калмыйм. Ләкин табигать үзе, никадәр генә бай, гүзәл булмасын, кешегә карата салкын, битараф бит ул — аның өчен синең кайтуың да, китүең дә барыбер түгелмени?! Кеше кайта аңа, кеше сагына аны, чөнки кешенең үткәне шушында калган, шушында саклана... Минем өчен дә ул шулай, мин дә, кайтып, Дим арына басу белән, гүя үткәнәмә күчәм, үткәнәмне күрәм» [Еники, 2000, 4: 114]. «Но ведь я приезжаю в Даулякан оттого, что вырос здесь, оттого, что здесь моя родина. Меня, казалось бы, прежде всего должны притягивать сюда люди,

¹ *Бабакай* — дедушка.

² *Эбекей* — бабушка.

дорогие сердцу поля и пастбища, озёра и, наконец, милый мой Дим¹, причудливо извивающийся в лугах. Улицы, дома, связанные с воспоминаниями юности, — такие как школа, клуб, должны быть особенно дороги, особенно близки... И что от них осталось?... Напротив стоит величавая гора Ярыш, светлый Дим плавно катит свои волны, в лугах сверкают озёра — всякий раз, приезжая сюда, я с любовью смотрю на них с высокого берега, погружённый в свои размышления, и не могу уехать, не покатавшись в лодке. Но природа, как бы она ни была хороша и богата, сама по себе холодна и равнодушна к человеку — ей абсолютно всё равно, приехал ты или уехал! Человек стремится к ней, тоскует, потому что прошлое человека осталось здесь, здесь хранится... Вот и я, оказавшись на берегу Дима, как бы перехожу в другое измерение — перед мысленным моим взором возрождаются картины прошлого» [Еникеев, 1998: 105]. С чувством родины автор «Последней книги» связывает формирование основ своего мировоззрения.

В рассказе-воспоминании «Жиз кыңгырау» («Медный колокольчик»), в котором нашли отражение личные впечатления А. Еники от поездки на свадьбу родственницы родного брата отца, чувство родины раскрывается как органическая связь человека с природой, имеющая эмоционально-инстинктивную основу: «Күңелгә кинәт нур тулды, күзгә хәтта сөнеч яшьләре килде, һәм шул чакта табигатьнур кешегә газиз ана кочагыдай никадәр якын-кадерле булуын, кешенең аңа мең төрле жепләр белән бәйләнгән булуын, алай гына да түгел, кешенең бөтен хыялы-өмете, эше-гамәле шушы жылы, якты, тере сулышлы табигатьтән яралган булуын ихтыярсyz аңладым, тойдым, белдем шикелле...» [Еники, 2000, 1: 268]. «На душе стало легко и радостно, словно я почувствовал тепло нежного объятия матери. И вдруг я понял, невольно осознал, что природа для нас — та же мать и что мы связаны с ней тысячью нитей. Разве наши мечты и желания, дела и помыслы, словом, вся наша жизнь была бы возможна без щедрой, неистощимой на тепло и красоту природы, без животворного дыхания её?..» [Еникеев, 1974: 45]. В хикая² «Туган туфрак» («Родная земля») любовь к родной земле изображается как непосредственное, жизненное чувство, охватывающее всё существо человека: «Беренче тапкыр, бик табигый рәвештә, туган жиренә, туган халкына, телдән генә сөйләнә торган түгел, ә кан тамырында йөри торган чын якынлык-мәхәббәт хис итте ул...» [Еники, 2000, 1: 165]. «В первый раз, совершенно естественно, она почувствовала к

¹ Река Дёма.

² «Хикая» (*хикәя*) в переводе с татарского — рассказ, повествование. Понятие «рассказ» мы будем использовать не в специальном, терминологическом строгом словоупотреблении, а как условное обозначение прозаических произведений малой и средней форм эпоса.

родной земле, родному народу истинную любовь, которая выражается не в словах, а растекается по всей кровеносной системе»¹.

Поворотным моментом в судьбе будущего писателя стал его переезд в Казань, в город, который воспринимался им как центр национальной культурной жизни. А. Еники так объясняет читателю причины, по которым он не остался в Уфе — в городе, который полюбил, в котором жили самые близкие его родственники, а уехал в Казань: «Моның бер сәбәбе шунда ки, мин кече яшьтән диярлек татар әдәбиятын укуш үстем. Казан ул минем өчен кәгъбә сыманрак бер жир иде. Әдәбиятка керәсе килгән һәркем шунда барырга тиеш кебек иде. Аннары Казан — элек-электән үк үзенең уку йортлары белән танылган шәһәр. Анда белемнең, һөнәрнең төрлесен алырга була. <...> Минем дә төп максатым, билгеле, уку иде. Хәер, дәресең генә әйткәндә, Казан һәрбер белем эстәп килүчене кочагын жәеп каршы алмады. Берәүләр максатларына тиз ирештеләр, икенче берәүләргә ирешүләре шактый авыр булды. (Ул чакларда социаль чыгыш дигән нәрсә еш кына кешенең язмышын билгели иде.) Әмма ничек кенә булмасын, мин дә шушы бик теләп, бик хыялланып килгән каламның шактый ук комлы туфрагына, азаплана торгач, тамыр жибәрә алдым. Әкреләп булса да үстем, әчерәк булса да, жимешләр дә биргәләдем...» [Еники, 2000, 4: 234]. «Одна из причин заключается в том, что я с детских лет полюбил татарскую литературу. Казань была для меня как бы святилищем, литературной Меккой. Каждый, кто почувствовал в себе тягу к писательству, казалось, непременно должен ехать туда. И потом, Казань давно славилась своими учебными заведениями. Там можно получить любые знания, научиться любому ремеслу. <...> Моей главной целью, конечно же, была учёба. Впрочем, если сказать правду, Казань вовсе не была приветлива с теми, кто хотел обогатить свои познания. Одни быстро добивались цели, для других это было очень непросто. (В те времена некая сила, называемая «социальное происхождение», поломала и покорёжила немало человеческих судеб.) Но как бы там ни было, после многих мук мне всё же удалось пустить корни в неприветливую почву этого города, куда ехал с такой надеждой и желанием. Хотя и медленно, поднялся всё же и плоды стал давать, правда, горьковатые...» [Еникеев, 1998: 212]. И далее: «Мин бит башта ук кая, нинди тарихи жиргә, нинди хикмәтле калага килүемне белеп килдем. Белеп кенә түгел, зур өметләр баглап килдем. Казан ул — татар мәдәниятең үзәге, Казан ул татар әдәбиятының бишеге, шушында инде аның бөтен атаклы әдипләре һәм шагыйрьләре... Тукай үлгәнгә дә әле күп еллар узмаган, аның бөтен замандашлары исән-сау диярлек, шушында яшиләр һәм эшлиләр... Алардан башка монда хәзер күпме яңа әдипләр, яңа шагыйрьләр калкып чыкты. Мин аларның

¹ Перевод выполнен автором статьи.

да кайберләрен, мәсәлән, Шамил Усмановны, Такташны укып та, ишетеп тә белә идем. Билгеле инде, минем Казанга килүдән беренче максатым уку булса, икенчесе, һичшиксез, шул әдип, шагыйрьләренә күрү, шулар арасына әкрәнләп булса да керү иде. Дөресен генә әйткәндә, килгән көннәрдән башлап, мондагы әдәбият дөньясы минем үемны гел үзенә тартып торды» [Еники, 2000, 4: 391]. «Я с самого начала отдавал себе отчет в том, куда, в какое историческое место, в какой неповторимый город я попал. Скажу больше, я ехал сюда, лелея в душе немалые надежды. Казань — это центр татарской культуры; Казань — это колыбель татарской литературы, здесь живут знаменитые писатели и поэты... Со времени кончины Тукая прошло не так уж много лет, его современники ещё живы и работают... А сколько новых писателей и поэтов появилось с тех пор. Некоторых я знаю — это Шамиль Усманов, Такташ, например, — читал их стихи, слышал о них самих. Я уже говорил, что главной целью моего приезда в Казань была учёба, а ещё я мечтал увидеть татарских писателей и поэтов, познакомиться с ними и постепенно войти в их среду. С первого же дня приезда мысль о том, что где-то совсем рядом живёт своей увлекательной жизнью мир татарской литературы, не покидала меня. Надо бы как-то разыскать дорогу, ведущую в него!..» [Еникеев, 1998: 355]. Работая курьером в книжном магазине, А. Еники однажды случайно встретил Ф. Амирхана, к которому отнесился с молитвенным восторгом, затем увидел его в театре в день постановки первой татарской оперы «Сания», ставшей большим событием в культурной жизни города. В первый же год своего приезда в Казань А. Еники посещает заседания кружка татарских писателей в Доме офицеров, на которых читали и обсуждали произведения молодых авторов, выступали властители дум тогдашней молодёжи — Х. Такташ, К. Наджми и А. Кутуй. Начинающему писателю импонировала царившая здесь атмосфера свободы и равенства. А. Еники много размышляет о своём времени, об особенностях литературного процесса в 1925–1930-х гг. и позже, в послевоенное десятилетие. Он считает, что «всегда чувствовал своё время» [Еникеев, 1998: 425] («Мин заманны һәрвакыт каты тоеп яшәдем дип әйтә алам» [Еники, 2000, 4: 460]), но только книги способны дать ответ на вопрос: смогли писатели понять его и выразить в своих произведениях.

А. Еники так излагает своё творческое кредо: «Иҗат эше минем өчен башта ук шәхси эш, өзлексез уйлану белән бәйләнгән күнел һәм наму сәһе иде. Мин бары үзем белгәнне, үзем ышанганны гына язарга тиеш дип уйлый идем. Ләкин, бер бәхәс чыкканда, миңа әйттеләр: «Син үзек белгәнне, үзек уйлаганны эчендә калдыр, ә безгә без таләп иткәнне яз!» — диделәр. Әмма үз күнелендә тумаганны заказ буенча гына язсу? — Юк, мин моны аңлый да, кабул да итә алмый идем. Характерым белән мин әрсез, үжәт кеше түгел, ишектән кусалар, тәрәзәдән керә белмим, ә кемгә дә булса ярау-ялагайлануны,